

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

МАЛЕНЬКАЯ

НЕВИННАЯ

ЛОЖЬ

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б25

Jennifer Lynn Barnes
LITTLE WHITE LIES

Copyright © 2020 by Jennifer Lynn Barnes
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© OlegRi, YuriyZhuravov, Tonktiti, muratart, Andriiii, berkah jaya material, Rawpixel.
com, solominvictor, Kanyanat Wimonkanjana, grinny, FXQuadro / Shutterstock.com /
FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Перевод с английского *Е. Прокопьевой*
Художественное оформление *А. Андреева*

Барнс, Дженнифер Линн.

Б25 Маленькая невинная ложь / Дженнифер Линн Барнс;
[перевод с английского Е. Прокопьевой]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-222086-9

Восемнадцатилетняя Сойер работает в автомастерской. Однажды к ней заявляется странная пожилая женщина и говорит, что она – ее бабушка. Следом женщина делает необычное предложение: Сойер получит полмиллиона долларов, если примет участие в ежегодном Бале дебютанток.

Ради такой суммы всего лишь придется наряжаться в платья и ходить на маникюр. Ну разве можно отказаться? Сойер сможет оплатить учебу и стать частью самой богатой и влиятельной семьи в городе. А еще она наконец-то узнает правду об отце, которого никогда не видела.

Но, оказавшись в захватывающем мире богачей, среди роскоши и блеска, она быстро понимает, что у каждого есть секреты и любому, кто захочет их узнать, грозит серьезная опасность.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Прокопьева Е., перевод
на русский язык, 2025
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222086-9

*Посвящается моей маме,
которая хранит все приглашения
на Бал Дебютанток¹.
Кто лучшая мама в мире? Ты!*

¹ Бал Дебютанток — международное событие мира моды, ежегодно собирающее в Париже около 25 девушек в возрасте от 16 до 22 лет из десятка стран. (*Прим. ред.*)

15 АПРЕЛЯ, 16:59

— Э то по твоей части, Родригез.
— Ну уж нет! Я взял на себя вытрезвитель после парада в День бизона.

— День бизона? Это ничто в сравнении с Октоберфестом в центре для пожилых!

— А кому пришлось разбираться с грызней на следующий день?

Полицейский Макалистер Додд — для друзей просто Маки — благоразумно решил не вмешиваться в перепалку двух старших коллег из полицейского управления округа Магнолия, которые спорили посреди тюрьмы. Родригез и О'Коннелл уже пять лет служили в полиции, в то время как Маки — всего две недели.

— Родригез, я скажу тебе три волшебных слова: «разборки» и «родительский комитет».

Маки переступил с ноги на ногу. Это была большая ошибка. Родригез и О'Коннелл одновременно повернулись и уставились на него.

— Эй, салага!

Оба полицейских еще никогда так не радовались третьему. Маки угрюмо поджал губы и расправил плечи.

— Что у нас здесь? — мрачно спросил он. — Пьянство и нарушение общественного порядка? Домашнее насилие?

В ответ О'Коннелл хлопнул его по плечу и подтолкнул к камере предварительного заключения.

— С богом, салага!

Маки повернул за угол, ожидая увидеть преступника — буйного здоровяка. Но вместо этого его взору предстали четыре молоденькие девушки в перчатках до локтей и в бальных платьях.

В белых бальных платьях.

— Что за черт? — спросил Маки.

— Это БВГ, — почти шепотом ответил Родригез.

— БВГ? — Маки снова взглянул на девушек. Одна из них стояла прямо, скрестив перед собой руки в перчатках. Вторая тихонько плакала и, похоже, шептала молитву. Третья смотрела прямо на Маки, и уголки ее губ, покрытых розовым блеском, медленно изогнулись, когда она смерила его взглядом.

А четвертая?

Она вскрывала замок.

Двое полицейских повернулись к выходу.

— Родригез? О'Коннелл? — окликнул их Маки.

Ему никто не ответил.

— Что значит БВГ?

Девушка, которая недавно оценивающе разглядывала его, шагнула вперед. Она похлопала ресницами и приторно-сладко улыбнулась молодому полицейскому:

— Как же вы не знаете, офицер? «Благослови вас Господь».

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД

ГЛАВА 1

Пошлости в мой адрес были ошибкой, которую большинство клиентов и механиков «Гаража Большого Джима» совершали лишь раз. К несчастью, владелец этого «Додж Рама» относился к тому типу людей, которые тратят всю зарплату на тюнинг тачки. Как только я поняла это, а потом увидела на заднем стекле наклейку в форме писающего человечка, то сразу догадалась, чем это все обернется.

Люди обычно крайне предсказуемы. Если вы перестанете ждать, что они смогут чем-то вас удивить, то у них не получится вас разочаровать.

И раз уж речь зашла о разочарованиях... Я подняла глаза от двигателя «Рама» на хозяина машины, который, судя по всему, считал, что, свистнув девушке, он делает ей комплимент, а комментарий по поводу ее задницы был для него верхом искусства флирта.

— В такие моменты, — сказала я ему, — вам следует спросить себя, разумно ли приставать к человеку, у которого есть кусачки и доступ к вашей тормозной системе.

Мужчина моргнул. Еще раз. И еще. А потом наклонился вперед.

— Сладкая, ты можешь получить доступ к моей тормозной системе, когда пожелаешь...

«...если ты понимаешь, о чем я», — мысленно добавила я. *Три... два...*

— ...если ты понимаешь, о чем я.

— В такие моменты, — с задумчивым видом проговорила я, — вам следует спросить себя, разумно ли предлагать свое мужское хозяйство тому, кто явно не заинтересован и держит в руках кусачки.

— Сойер! — Большой Джим вмешался прежде, чем я успела клацнуть кусачками, опустив их. — Я займусь им.

Мне было двенадцать, когда я стала надоедать Большому Джиму с просьбами разрешить мне копать в тачках. Он наверняка понял, что я уже починила джип и если сейчас меня оставить одну, это ничем хорошим не закончится.

Для клиента, конечно.

— Черт, Большой Джим! — жалобно воскликнул мужчина. — Мы просто развлекались!

С раннего детства я постоянно интересовалась то одним, то другим. Автомобильные двигатели были одним из моих увлечений. Им предшествовали телесериалы, а после я целый год читала все, что могла найти, о средневековом оружии.

— Ты ведь не против немного развлечься, правда, солнышко? — Мистер Тюнингованный «Додж Рам» положил ладонь на мое плечо и приумножил свои грехи, сжав мою шею.

Большой Джим простонал, когда я повернулась к этому очаровашке и с непроницаемым лицом произнесла:

— Позвольте мне процитировать вам «Энциклопедию древних пыток Сайфорта».

В том уголке Юга, где я жила, проявлением рыцарства считалось, когда мужчины типа Большого Джима Томпсона не увольняли девчонок типа меня, которые во всех подробностях описывали клиентам, совершенно точно нуждавшимся в кастрации, как в Средние века использовали «крокодильи ножницы»¹.

¹ Ножницы в форме крокодила. Их нагревали и раздавливали ими тестикулы жертвы, в дальнейшем выдирая их. (*Прим. ред.*)

Я удостоверилась, что хозяин «Рама» не совершит ошибку в *третий* раз, и по дороге домой заскочила в «Холлер», чтобы забрать мамины чаевые, которые она заработала прошлой ночью.

— Как делишки? — Маминого босса звали Трик. У него было четверо детей, восемнадцать внуков и три шрама, которые он получил, разнимая драчунов в баре, — возможно, под его поношенной белой футболкой скрывались еще несколько. Он всегда приветствовал меня одним и тем же вопросом с тех пор, как мы познакомились, когда мне было четыре.

— Все хорошо, спасибо, что спросил, — ответила я.

— Зашла за мамиными чаевыми? — спросил у меня самый старший из внуков Трика, расставлявший бутылки на полки за барной стойкой. Это был семейный бизнес в маленьком городке, где все были как одна большая семья. Население едва ли превышало восемь тысяч жителей, каждые трое из которых так или иначе приходились друг другу родственниками.

За исключением моей мамы — и меня.

— Да, за чаевыми, — подтвердила я. В области финансов мама не отличалась хваткой и надежностью. Когда мне исполнилось девять, я стала отвечать за семейный бюджет — и примерно в то же время увлеклась сначала вскрытием замков, затем Вестминстерской выставкой собак, а потом приготовлением идеального мартини.

— Держи, милая. — Трик протянул мне конверт, который оказался толще, чем я ожидала. — И не спусти все зараз!

Я фыркнула. Деньги пойдут на оплату аренды квартиры и еду. Вечеринки меня не сильно интересовали. Честно говоря, за мной уже закрепилась репутация весьма нелюдистой особы.

Плюс эта моя привычка угрожать кастрацией...

Прежде чем Трик успел пригласить меня на семейный ужин в дом к своей снохе, я быстренько ретировалась. Милый дом находился всего в паре кварталов от бара. Технически там была только одна спальня, но когда мне исполнилось девять, мы отделили треть гостиной занавесками для душа из магазина «Все за доллар».

— Мам? — позвала я, переступив порог. Это было что-то типа ритуала, даже когда ее не было дома — когда она была в запое, или втюрилась в нового мужчину, или обращалась в новую религию, или твердо намеревалась пообщаться со своими ангелами-хранителями под бдительным оком заезжего медиума.

Честно говоря, я и сама слишком часто меняла увлечения, пусть они были и не такими сумбурными и разрушительными, как ее.

Почти сразу зазвонил мобильник. Я ответила.

— Детка, ты не поверишь, что случилось прошлым вечером! — Мама никогда не утруждала себя приветствиями.

— Ты еще на континенте? Тебе нужны деньги, чтобы выйти под залог? Или у меня будет новый папочка?

Мама рассмеялась.

— Ты — мое все! Ты же знаешь это, правда?

— Я знаю, что у нас почти закончилось молоко, — ответила я, достав упаковку из холодильника и отхлебнув. — И еще я знаю, что вчера вечером кто-то *не поскупился* на чаевые.

Повисла долгая пауза. Я правильно угадала. Дело было в мужчине, и она познакомилась с ним вчера вечером в «Холлере».

— Ты справишься одна? — тихо спросила она. — Всего несколько дней.

Я твердо верила в абсолютную честность: говори то, что думаешь, думай то, что говоришь, и не задавай вопросов, если не хочешь знать на них ответы.

Но только не с мамой.

— Когда ты вернешься, я оставляю за собой право оценить его привлекательность и слащавость его фразочек.

— Сойер. — Мама была серьезна — насколько это вообще возможно в ее случае.

— Со мной все будет в порядке, — ответила я. — Как всегда.

Она замолчала на несколько секунд. Элли Тафт делала много чего, но самое главное: она старалась — изо всех сил и так долго, как могла, — ради меня.

— Сойер, я люблю тебя, — тихо сказала мама.

Я знала свою реплику — выучила ее назубок, когда в пять лет недолго увлекалась самыми цитируемыми диалогами из кинофильмов.

— Знаю.

Я повесила трубку первой и уже почти допила оставшееся молоко, когда входная дверь, отчаянно нуждавшаяся в смазке и новом замке, со скрипом отворилась. Я повернулась на звук, перебирая в уме тех, кто мог зайти без предупреждения.

Дорис из дома по соседству как минимум раз в неделю теребила кошку.

Большой Джим и Трик имели схожую привычку проводить меня, как будто мне до сих пор восемь, а не восемнадцать.

«Владелец «Додж Рама». Он мог проследить за мной». Это была даже не мысль, а шестое чувство. Моя рука зависла над ящиком с ножами как раз в тот момент, когда в дом вошел человек.

— Очень надеюсь, что твоя мать покупает ножи марки «Вюстхоф», — сказала незваная гостья, заметив приоткрытый ящик. — Они *намного* острее обычных.

Я моргнула, а когда снова открыла глаза, женщина по-прежнему стояла передо мной. Глядя на ее идеальную прическу и синие шелковые жакет с юбкой, я засомневалась, не

перепутала ли она наш ветхий дом с благотворительным обедом. Эта леди до сих пор не объяснила, зачем пришла. непонятно было и то, отчего ее больше тревожил тот факт, что мама не покупает брендовые ножи, а не то, что я уже была готова достать один из них.

— Ты копия своей матери, — прокомментировала женщина.

Не зная, как лучше ответить, я решила положиться на интуицию.

— А вы похожи на бишон-фризе.

— Прошу прощения?

Это порода собак, которые напоминают очень маленькую пуховку для пудры. Но поскольку абсолютная честность не требовала говорить *все*, что крутится в голове, я переформулировала:

— Похоже, ваша прическа стоит дороже, чем моя машина.

Женщина — на вид ей было чуть за шестьдесят — склонила голову набок.

— Это комплимент или насмешка?

Она говорила с певучим южным акцентом, без резких звуков, в отличие от меня. *Ка-а-ампли-и-имент и на-а-асме-е-ешка.*

— Зависит от того, как вы сами решите.

Леди едва заметно улыбнулась, словно я сказала что-то *очень милое*, но не слишком забавное.

— Тебя зовут Соьер. — Сообщив мне это, женщина немного помолчала. — Ты ведь понятия не имеешь, кто я, правда?

Очевидно, это был риторический вопрос, потому что она не стала ждать моего ответа.

— Но позволь мне избавить нас от лишних драм.

Ее улыбка стала шире, теплее — такой же теплой, как вода в душе прямо перед тем, как кто-нибудь нажмет на кнопку смыва унитаза.

— Меня зовут Лилиан Тафт, — продолжила женщина тоном под стать улыбке. — Я твоя бабушка по материнской линии.

«Моя бабушка похожа на бишон-фризе», — думала я, пытаясь осознать происходящее.

— У нас с твоей матерью произошла небольшая размолвка еще до твоего рождения. — Судя по всему, ураган пятой категории был для Лилиан всего лишь *мелким дождиком*. — Но думаю, пришла пора покончить с той историей, как ты считаешь?

Еще один риторический вопрос заставил бы меня снова потянуться к ящику с ножами, и поэтому я попыталась подобраться к сути.

— Вы пришли не к маме.

— А вы ничего не упускаете, мисс Сойер. — Голос Лилиан звучал мягко и женственно. Но что-то подсказывало мне, что она тоже ничего не упускает. — Я пришла сделать тебе предложение.

Предложение? Это напомнило мне, с кем я имею дело. Лилиан Тафт не была мягкой пуховкой. Она была безжалостной диктаторшей, которая выставила из дома мою беременную мать, едва достигшую семнадцатилетнего возраста.

Я подошла к двери и сорвала стикер, который прикрепила рядом со звонком, когда к нам две недели подряд наведывались проповедники. Развернувшись, я протянула записку женщине, которая растила мою мать. Ее пальцы с идеальным маникюром выхватили стикер.

— Нам неинтересны ваши предложения, — прочла бабушка вслух.

— Исключение только для печенок от девочек-скаутов, — любезно добавила я. Меня исключили из местного скаутского отряда в период увлечения тру-крайм историями о маньяках